

Если ты не жертва, значит – не латыш

Под таким заголовком журнал *Nedēļa* опубликовал интервью Салли Бенфелде с врачом, психотерапевтом Виестурсом Рудзитисом. Во вступлении к нему Бенфелде пишет, что с приближением выборов опять актуальными становятся вопросы, жаждет ли латышский народ появления «героя», почему избиратели так склонны верить «молочным рекам и кисельным берегам» и вообще «какие мы, латыши».

Два слова о собеседнике Салли Бенфелде. Виестурс Рудзитис - один из создателей института Морено в Латвии. Морено – автор так называемой «психодрамы», направления в психологии, изучающего групповые проблемы или проблемы индивида посредством определенно организованных драматических действий и предлагающего свои способы решения этих проблем.

Люди часто произносят - все мы родом из детства, пишет далее Бенфелде. Виестурс Рудзитис дополняет и уточняет: все мы родом из семьи и истории своего народа.

Интересен взгляд психотерапевта на разные культуры, которые смешались на территории Латвии и оказали влияние друг на друга.

Латыши, по Рудзитису, наследовали ливам и балтам. Ливов обычно относят к так называемой реактивной культурной группе. Их судьба в значительной мере зависела от отношений с природой, от способности выживать в суровых условиях. Народы, живущие в менее суровых условиях, могли себе позволить удовольствия ради некоторой «вольности», не утрачивая при этом контроля над происходящим. Они принадлежат к линейно активной культурной группе (линейный - подобный линии, однонаправленный. – Ракурс.). К ней относятся немцы, скандинавы и те латыши, которые, как пишет Рудзитис, «не ливы, не латгальцы и не русские».

Есть еще представители мультиактивных культур, живущие там, где много солнца, где редки природные катастрофы и где человек привык к мысли, что любовь это не чудо, а нечто само собой разумеющееся и ее не надо «заслуживать».

Культурное же основание Латвии, по мнению Рудзитиса, уникально: «На такой маленькой территории с таким небольшим числом жителей иметь представительство всех трех культур – это... Это или большое счастье, или большая потеря. Вероятнее всего, что и то, и другое. Встреча культур разных типов всегда проблема и вызов, и нужно немало сил, чтобы общение породило эффект, а не дефект». Рудзитис задается вопросами: соединятся ли в единое целое реактивность ливов, линейная активность немцев и латгальско-русско-литовская мультиактивность? Смогут ли латыши осознать ценность такого слияния или они уже обрекли себя на гибель, как некогда строители Вавилонской башни?»

После этого вступления следует непосредственно интервью с психотерапевтом Виестурсом Рудзитисом.

Больные лидеры

– Скажите, достаточно ли иметь в наличии хороших политехнологов, чтобы овладеть умами людей? Люди что, так одинаковы, что одни и те же формулы воздействия годятся для всех?

– Важна мотивация. Самую острую необходимость во власти ощущают люди травмированные, нуждающиеся в выздоровлении. Это очень сильная потребность – исцелить себя властью и вхождением во власть. Я называю эту потребность властью Жертвы. Но в развитых обществах есть механизмы, которые разделяют: здесь больные, а здесь – политика. У нас же все перепуталось.

– Обидное, однако, утверждение: человек от всей души хочет заботиться о государстве и людях, а тут приходит психотерапевт и говорит, что этот человек болен.

– Это не обвинение. Если человек болен, ему надо это осознать и лечиться. Мы же признаем необходимость в лечении, когда говорим о болезнях тела. Эмоционально больной человек одной ногой «стоит» в собственном внутреннем мире с его

множеством проблем. Это не значит, что он человек плохой, это значит, что он пережил потери или кризисы. И хорошо бы ему осознать, что именно им движет. Равно как было бы совсем неплохо, существовай у нас некие общественные механизмы, которые позволяли бы определить в человеке наличие комплекса Жертвы. Тогда Жертве можно было бы сказать: мы подождем тебя выбирать, сначала выздоровей.

– Но люди часто ставят знак равенства между «больной» человек и «плохой» человек.

– Я понятие «больной» сейчас употребляю в качестве провокации - чтобы отчетливее высветить проблему. Вообще говоря, болеть – это нормально. Мы не могли бы расти и развиваться, не бодея время от времени. Но если человек болен, ему надо лечиться, спасать себя, а не общество. В противном случае человек, когда его выберут, будет работать не на пользу общества. Он будет во власти представления: обществу станет хорошо тогда, когда хорошо станет мне самому. Вспомните, Сталин в 1938 году после массовых репрессий и убийств людей сказал, что жить стало лучше и веселей. У него, вероятно, действительно было чувство, что произошло очищение, катарсис, стало светлее. Сталин был типичным «эмоциональным» больным. Он не был больным, который нуждался в психиатре, он был полностью вменяемым. Но у него было типичное для Жертвы восприятие мира. И мышление, присущее Жертвам, - отождествление себя с государством.

Почему немцы не справились с Гитлером

– Латыши часто называют себя народом-сиротой. Как вы думаете, почему?

– Сиротский, крестьянский народ – это заведомые жертвы. Если ты не жертва – ты не латыш! Или, другими словами, если ты не болен – ты не латыш! По-моему, этот механизм работает как минимум тысячу лет. Он выдавливает тех, кто не является Жертвами, не таких, как все. Человек, предположим, заговорил по-немецки и ему кажется, что он уже не латыш, и он становится *kārkluvācietis** . Это вообще интересный феномен – внутренняя эмиграция на территории Латвии. Кем пополнялись ряды балтийских немцев или балтийских аристократов? Они что, все приехали в Латвию из Германии? Я расспрашивал историков о тех, кто жил в замках 13-14 веков. Их было на удивление мало. Что дает основание думать о некоем неписаном социальном сговоре: выходцам из простого народа, но говорящим по-немецки, дозволялось ощутить себя избранными. Так что вопрос о Каупо или Кангарсе совсем не так прост.

– Принято считать, что наш народ пробудился, что у него открылись глаза, что он хочет стать свободным.

– Мы в живем в интересное время. В людях накопилось много гнева и злобы, и, может статься, что хватит одного эмоционально больного человека, который поведет за собой разгневанных и обиженных. Некоего гипотетического лидера, который, по ощущению людей, выразит их самые глубинные чувства и потребности и с которым они смогут идентифицировать себя. Если такой лидер появится, может завариться такая каша... от одной этой мысли становится страшно. Чтобы этого не случилось, государству необходима очень сильная демократия, которой у нас нет, и очень развитое общество.

Похожая ситуация была в Германии перед Второй мировой войной. После крушения монархии там образовался известный вакуум, а демократических традиций не существовало. Немецкое общество не справилось с феноменом Гитлера, который возымел такую силу именно потому, что выражал глубочайшие чувства немцев как народа-жертвы. У нас, по-моему, сейчас такая же ситуация – в людях слишком много наболевшего.

– Значит, людям надо учиться разграничивать эмоции и разум...

– Да. Иначе, как сказал в свое время Блауманис, чувства легко преодолевают забор, построенный разумом. И уже не разум ведет человека, а его собственные комплексы - не победителя, а проигравшего.

– Если вообще говорить о вещах осознанных и подсознательных... На ваш взгляд, подсознательно мы завидуем цыганской свободе, способности их, цыган, не слишком считаться с материальными вещами. В то же время мы

терпеть не можем цыган за то, что они могут позволить себе то, чего не позволяем себе мы.

– Это древнейший конфликт, еще Каина и Авеля. Тогда крестьянин убил кочевника. Или, говоря другими словами, находящийся в зависимости убил независимого. Земля – мать-кормилица, человек из страха потерять все не может от нее оторваться. Но в Библии сказано и о том, что Господь велит Аврааму уходить, бросив все. Ибо любое развитие предполагает расставание с чем-то, преодоление, встречу с неизвестным, научение чему-то новому.

Не «что делать», а «как быть»

– Откуда родом наша агрессия?

– В агрессию трансформируется неосознанный гнев. Но если это энергия, которая позволяет не быть как все, отделить свой внутренний мир от внешнего и сформулировать свою ответственность за происходящее, все нормально. Хотя латыши не могут этого принять.

Помню, я как-то читал лекцию. Некий солидный господин спрашивает меня, а зачем, собственно, проявлять свой гнев? Дескать, латыши этого не делают, для нас это не характерно, мы же не какие-нибудь ветхозаветные евреи. Со мной была моя дочь, и она потом сказала, что атмосфера в аудитории была просто невыносимой – люди были такими злыми, что их эмоции, казалось, можно было потрогать рукой. Они шептались, прячась за спины друг друга, но вслух не возражали, не спрашивали, не дискутировали. Им не нравилось то, о чем я говорил, но они скрывали это. Я чувствовал, что в аудитории нет личностей с собственными взглядами и убеждениями, а есть толпа, которая в любой момент может стать агрессивной. Она бы не просила о помощи, поскольку уже устала, замучилась от бесконечных потерь и поражений. Нет, ее агрессия вылилась бы в политические лозунги. Например, «Верните Абрене!» или «Русские, вон из Латвии!»

– Разговоры о социалистах, коммунистах, национал-социалистах – это тоже рассказы жертв, которые глубоко оскорблены и считают, что теперь настал их час?

– Социалистическая идеология на практике – это толпа и борьба за толпу. А значит, мы в своем развитии пятимся назад: важен не индивид, не личность, а коллектив. Я изучал биографии Ленина, Гитлера и Сталина с точки зрения психологических травм. Все они в той или иной мере жертвы страха. Национал-социалисты (Гитлер) травмированы глубже всех, их обуревают и злоба, и страх, им больше всего недостает Матери. Гитлер родился у женщины, которая страдала после смерти троих своих детей. Когда Гитлеру было восемнадцать лет, мать, которую безуспешно пытался лечить врач-еврей, умерла. Гитлер идентифицировал себя с Германией, она была для него одновременно и матерью, и любимой женщиной, с которой связаны эротические потребности. И далее у меня вопрос: что происходит с народом, который выбирает подобных лидеров? А Жертвам мир представляется простым и понятным, и так же просто и понятно для них рвануть вперед с боевым кличем на устах.

– Самое время спросить – что делать?

– Этот вопрос типичен для людей, которые считают ценностью только свой труд, а не свою жизнь – в жизни они рабы. Вопросом «что делать» задавался Герцен, затем Ленин. Нам же надо бы спросить – *как быть?* И тогда пришлось бы признать, что быстрого решения нет. Что нам самим надо развиваться внутренне, духовно расти.

...Помните, когда-то идеи культурного развития рождались на торговых площадях, где клоуны смеялись над королями. Смех порождает иную самооценку и ощущение свободного выбора. Вот и Морено привнес в психотерапию излечение смехом. Думаю, это недурная идея и в отношении того, о чем мы с вами сегодня говорили.

**kārkluvācietis* - человек, рядящийся под немца.

Печатается с сокращениями. Перевод Валентины МУЦЕНИЕЦЕ